

Оганезов Леван

Экран его полнит, придает лоск да элегантность. А по жизни его почти не узнают на улицах, особенно когда долго не показывают по "ящику". С глаз долой — из сердца вон. Деталь: в метро его как лицо кавказской национальности часто тормозят милиционеры, дабы проверить документы. Оганезов на ТВ появляется и исчезает, не задерживаясь нигде подолгу.

— Я не забочусь о завтрашнем дне. Не хочу и не люблю целенаправленно делать карьеру. Мне хватает серьеза минут на десять. Потом начинает надоедать или то, чем я занимаюсь, или человек, с которым я общаюсь. То, чего я добился, — это мой потолок. Пусть даже каждый четвертый меня знает в лицо — для актерского самолюбия этого вполне достаточно.

— Вы уехали в Америку на заработки, искать счастья? Зачем?

— Давайте так поставим вопрос. Я не уезжал, я там работал. Уехала моя старшая дочь. Для того чтобы как-то ей помочь, быть поближе, я и поехал. Сейчас она уже не нуждается в моей помощи, поэтому смело могу жить здесь. Потом, я поехал не один, было очень много музыкантов. Есть у нас такой первый частник после советской власти — Андрей Федоров. Он открыл ресторан в Нью-Йорке. Пригласил туда большую группу музыкантов. Мы работали там два года вдвоем с контрабасистом.

— Когда вы уезжали, здесь у вас были связи, знакомства в эстрадном мире, а там — ничего. Было трудно?

— Я не собирался там делать концертную карьеру. Хотя мог, если бы был посерьезнее, — между прочим, диплом Московской консерватории всегда играет, как козырная карта. Мог бы преподавать, приглашали в балет Баланчина, мог бы работать концертмейстером. Но я не могу работать нормированно.

— Нет сейчас аллергии на заграничку?

— Там в принципе хорошая жизнь. Вновь прибывшим создаются условия. Сделал усилие — будешь хорошо жить. Если ты нарушил закон и никто не заметил — тоже будешь хорошо жить. Но если ты усилие все-таки сделал, никто не будет говорить: "О, ты смотри, молодец, встал на ноги". Это скажут твои собраты-эмигранты. Но мне не хотелось делать этого самого усилия и вставать на рельсы американцев.

— Пока ни один телевизионный проект с вашим участием долго на ТВ не продержался. Так было, например, с "Суетой вокруг рояля"...

— Этот проект не был продуман до конца. Я предложил его Макаревичу, когда он был у меня в Нью-Йорке. Я рассчитался там с работой, приехал сюда, снял 12 выпусков. Но ведь как получилось: артистов всех приглашал я, никакого сценария не было, не было как такового режиссера. Пустили все на самотек. Видимо, были какие-то трения с начальством, уходящим тогда с поста директора Сагалаевым. И программу передвинули на час ночи. Мне стало неинтересно. А потом была жуткая обида — Макаревич на меня обиделся: мол, я его подставил. Да не подставлял я! Передача просто не пошла.

— Вы по натуре не руководитель?

— Нет. Я больше исполнитель. Работал в театре с Андрюшей Мироновым 5 лет. Он поставил спектакль "Прощай, конференсье!". Дал мне роль. Я ему говорил: вы уверены, что я сыграю? А он: "Уверен. Делай то, что я тебе скажу". Я делал все, что мне говорили. И мне это понравилось.

— Вы считаете себя баловнем судьбы или всего приходилось добиваться собственным горбом?

— Мне много лет. Я привык к ударам судьбы. Я был воспитан очень старомодно. Не был капризным ребенком. Самый младший в семье. С 5 лет я сидел за роялем, больше

ИСПОЛНИТЕЛЬ

никаких развлечений у меня не было. Даже в футбол я не играл. Ломка всего была, когда умер папа и все разбилось. Я остался жить с мамой. И пошел в эстраду потому, что нужда заставила.

— Вы себя считаете советским или "новым русским"?

— Я старый армянин... Если серьезно, то, конечно, советским. Я вырос при советской власти, и у меня нет ностальгии по тем временам.

— Вы счастливый человек?

— Я не понимаю этого чувства. Оно мне знакомо, оно мгновенно. Я испытываю удовольствие от победы над собой. Например, научился хоть как-то собой владеть. Я не живу импульсивно, все эмоции заткнул очень далеко, в задние карманы брюк. Или, например: ел что попало, надевал что попало, потом понял, что не сходится здесь, не застегивается там. И я заставил себя похудеть без всяких лекарств — на 18 кг за год.

— Вы в разговоре произнесли фразу "Давно я девушек не обманывал". Случалось?

— Я в молодости был интересным парнем. Не герой-любовник, конечно... Но у меня были большие глаза, а еще когда сядешь и сыграешь Шопена — все, готова уже со своими статутками переехать ко мне в квартиру. Потом я понял, какие девушки мне нравятся. Но я-то нравился совсем другим! А женился я очень оригинальным способом. Когда я ее увидел в автобусе, внутренний голос мне сразу сказал: вот это будет твоя жена, и от этой женщины ты должен иметь детей. На третий-четвертый день я сказал: "Ты меня не очень знаешь, но учти: через полгода я на тебе женюсь".

— Так вы считаете, ваш брак был не по любви?

— Большинство девушек выходят замуж формально. Она вьет свое гнездо, и муж — это не основная фигура, а часть ее гнезда. Она осваивает пространство в этой жизни, как мебель ставит: вот здесь должен стоять шкаф, вот здесь должен стоять муж. Большинство женщин не любят своих мужей. Она — жена, и все. Наш брак был по односторонней любви — моей. Но, надеюсь, она меня полюбила, может, позже. Я ни разу не почувствовал, что совершил ошибку.

— Вы человек верный, постоянный? Внешне, во всяком случае, производите прямо противоположное впечатление.

— Да. У меня друзья, с которыми я дружу по 40 лет, новых практически нет. Я вообще внутренне не похож на свою внешность...

Воск. комсомолец — 1998.

3 сент. — с. 6

Дарья ПРОНИНА.
Фото Александра АСТАФЬЕВА.